

Б. Н. Миронов

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Российская империя являлась полиэтнической и поликонфессиональной империей, в которой титульный этнос находился в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 90 % всего населения страны, к 1917 г. — лишь 43 %. В статье анализируется отраслевая структура занятости народов Российской империи по материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. и на ее основе оценивается этнический статус различных этносов и их роль в экономической и общественной жизни страны. В управлении (администрация, суд, полиция, общественная и сословная служба), а также в армии были представлены все этносы, включая евреев, якутов, цыган, чеченцев, абхазцев, примерно пропорционально их доле в населении империи (за исключением евреев в управлении). Зато в различных сферах экономической деятельности этносы участвовали по-разному, в зависимости от склонностей и культурных традиций. Этническая дискриминация наблюдалась почти исключительно в отношении некрещеных евреев. Так называемая «русификация» способствовала тому, что представители нерусских этносов, получившие образование по-русски, приобретали возможность занимать административные должности и более активно участвовали в управлении своим регионом.

Гибкая этноконфессиональная политика правительства обеспечивала отсутствие этнической дискриминации. Эта политика имперского этнопатернализма предусматривала уважение статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения, широкое сотрудничество с местными элитами, конфессиональную и этническую толерантность, создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими, предоставление коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами наравне с русскими. Подобная технология управления полиэтническим и поликонфессиональным населением позволяла постепенно интегрировать различные этносы в империю, включать их в единое имперское экономическое, правовое и социальное пространство, выравнивать их по уровню развития путем подтягивания отстающих до передовых, модернизировать традиционные общества «окраин» с их спецификой в хозяйстве, праве и социальных структурах и в результате обеспечить долгое сохранение единства Российской империи. Библиогр. 85 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: Россия, XVII–XX вв., этноконфессиональная политика, историография отечественная, историография зарубежная, этнический состав населения, недоуправление, отраслевая структура занятости.

Для цитирования: Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164–185. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.113

B. N. Mironov

ETHNIC DISCRIMINATION IN LATE IMPERIAL RUSSIA

The Russian Empire was multi-ethnic and multi-confessional Empire in which the “titular” ethnic group was in the minority. In 1646, the Russian share accounted for about 90 % of the total population, by 1917 only 43 %. This article examines the sectoral structure of employment of the people of the Russian Empire according to material from the first all-Russian census of the population in 1897 and on this basis

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; bmironov@mail.wplus.net

Mironov Boris Nikolaevich — Doctor in History, Professor, Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; bmironov@mail.wplus.net

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

it evaluates the ethnic status of various groups and their role in the economic and social life of the country. All ethnic groups were represented in the government (administration, the courts, police, the social and estate service) and also in the army, including Jews, Yakuts, Romani, Chechens, and Abkhazians, each roughly proportional to its share in the population of the empire (with the exception of Jews in the administration). But in various spheres of economic activity the ethnic groups participated in different ways, depending on their inclination and cultural traditions. Ethnic discrimination was observed almost exclusively in relation to unbaptized Jews. So-called 'Russification' contributed to the fact that those representatives of non-Russian ethnic groups who received a Russian education had the opportunity to take administrative positions and participate more actively in the management of their region.

The government's flexible ethnoconfessional policy ensured the absence of ethnic discrimination. This policy stipulated the status quo the new area and its population, extensive cooperation with the local elites, religious and ethnic tolerance, creating some advantages in the legal status of non-Russians in comparison with Russian, the right of indigenous peoples of annexed territories to be civilian actors on par with Russians. Such management techniques by a multi-ethnic and multi-confessional population allowed for gradual integration of various ethnic groups into the Empire, inclusion into a unified Imperial economic, legal and social space, alignment of their level of development by creating additional benefits for lagging regions, modernization of traditional society at "the outskirts" with their particular economic, legal and social structures, and to ensure the long preservation of the unity of the Russian Empire. Refs 85. Tables 3.

Keywords: Russia 1600–1900, ethno-religious politics, national historiography, foreign historiography, the ethnic composition of the population, underdeveloped state, sectoral structure of employment.

For citation: Mironov B.N. Ethnic discrimination in late imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 164–185. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.113

В советской историографии трактовка Российской империи и существовавших в ней межэтнических и межконфессиональных отношений трижды претерпела изменения. Примерно до середины 1930-х годов доминирующей парадигмой, в рамках которой изучались имперские проблемы, являлась сформулированная школой М. Н. Покровского: «Российская империя — тюрьма народов и абсолютное зло». Ее сменила предложенная И. В. Сталиным парадигма «Российская империя — наименьшее зло», согласно которой вхождение народов в Российскую империю представляло собой добровольный по преимуществу выбор ими России как «наименьшего зла». Наконец, в 1950-е годы утвердилась третья парадигма. Из прежней формулы исчезло понятие «зло», приоритетными стали обоснование исторической необходимости и целесообразности возникновения империи и постепенного добровольного вхождения в ее состав других *народов* (но не элит, которые часто выступали против присоединения, руководствуясь принципами национализма), подчеркивание «прогрессивных последствий» интеграции и «цивилизаторской роли России», замалчивание завоевательных и насильственных аспектов имперской политики. Суть новой концепции сводилась к тому, что под влиянием революционных событий в России все народы империи смогли выйти из «вековой отсталости» к «вершинам исторического прогресса». По сути, Россия из империи зла превратилась в империю добра, своего рода дом дружбы народов (см., напр.: [Алишлев 1990; Галоян 1976; Самбук 1980; Смирнов 1958; Сулейменов, Басин 1981; Федоров 1978; Хасанов 1977; Эгунов 1963] и др.).

В постсоветской историографии, после распада СССР, в изучении российских имперских проблем многое изменилось.

Во-первых, наблюдался (до сих пор продолжающийся) рост интереса к имперской проблематике как в конкретно-историческом, так и в теоретическом отно-

шении (см., напр.: [Барзилов 2001, с. 10–23; Гагагова 2013, с. 328–348; Каспэ 1997, с. 31–48; Миллер 2006; Миллер 2012, с. 162–186; Российская империя как исторический феномен 2011, с. 852–857]).

Во-вторых, произошел отказ от единой точки зрения — все три прежде существовавшие в историографии концепции нашли своих сторонников. Одни вернулись к забытой парадигме Россия — колониальная империя, «тюрьма народов», «абсолютное зло» или «империя зла» (см., напр.: [Соколов 2002.]), другие — к концепции прогрессивности российского империализма, «цивилизаторской миссии» России по отношению к отсталым народам, третьи (их большинство) придерживаются золотой середины, поддерживая концепции «наименьшего зла», «неизбежного зла» или сочетания негативного и позитивного, причем баланс плюсов и минусов вхождения в состав России разными историками для разных народов оценивается по-разному.

В-третьих, еще большее разнообразие обнаруживается в трактовках частных проблем. Среди них повышенное внимание уделяется управлению на вновь присоединенных территориях, становлению и функционированию административной системы на «окраинах» и межэтническим отношениям (см. напр.: [Правилова 2006]).

В-четвертых, присоединение центральноазиатских, сибирских и кавказских народов к России признается явлением по преимуществу положительным для них с точки зрения содействия развитию местной промышленности, сельского хозяйства, образования и общей культуры. Словом, приобщение восточных и южных окраин к европейскому универсализму при помощи русской администрации признается благом, хотя и с оговорками. Меньше единодушия относительно последствий присоединения Польши, Прибалтики и Финляндии. Больше единодушия в оценке отношения российской коронной администрации к этноконфессиональным традициям и культуре как толерантного.

В-пятых, при всех позитивных последствиях вхождения народов в состав России имперскую этноконфессиональную политику не идеализируют, отмечают элементы «классической» имперскости, но стараются подходить к ней с мерками того времени, когда происходила аннексия, а не с критериями современной этики и политической корректности.

В-шестых, большинство отечественных исследователей рассматривает Россию как особый, отличный от «классических» европейских империй с заморскими территориями тип империи, соответствовавший российским реалиям и потому удовлетворительно справлявшийся со своими функциями (см., напр.: [Лурье 2001; Ремнев 2001, с. 317–344]). «Если бы Россия не была империей, то чем бы она была в XVIII–XIX веках?» — задается вопросом А. Миллер. «Она могла бы быть периферией другой империи. <...> Она и была какое-то время периферией монгольской империи. Разве мы рассматриваем этот период как период очень благостный? Она могла бы стать частью империи Ягеллонов, продвинувшейся на Восток, частями войти в разные империи. Она могла превратиться в квазиимперию, подобную Османской в XIX в., когда Османская империя вполне потеряла экономический суверенитет, когда ее обрезали кто как хотел и сдерживающим фактором было лишь противодействие великих держав друг другу, а не способность Османской империи противодействовать очередным аннексиям. <...> Можно и на Китай того вре-

мени взглянуть... Империя была фактически универсальной формой организации европейского (и не только европейского) пространства вплоть до начала XX века» [Миллер 2007; Миллер 2008; Неизбежность империи 1996].

Напротив, в бывших союзных и автономных республиках СССР одна монополярная парадигма сменилась другой — практически везде в той или иной степени была реанимирована концепция «Российская империя — тюрьма народов». «Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя — лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что априорное стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной принимается на веру. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких нарративах неизбежно отодвигаются на второй план» [Миллер 2012, с. 5; Западные окраины Российской империи 2006].

Применительно к малым восточноевропейским государствам и народам это объясняется якобы присущим им экзистенциальным страхом, воспитанным веками Турцией, Польшей, Германией и Россией, страхом, который сконцентрировался в последние полвека на СССР, а после 1991 г. перешел на Российскую Федерацию [Бибо 2004, с. 155–262]. Подобный подход получил в историографии название «синдром виктимизации».

Для работ среднеазиатских и казахских историков характерны этновеличие, удревление своей истории, героизация прошлого, демонстрация уникальности своей культуры [Брежнева 2005; Германова 2008, с. 360–379; Тимченко 2008, с. 338–359].

В моду вошли работы советских историков 1920–1930-х годов; их концепции, интерпретации, сомнительные и непроверенные данные безо всякой критики входят в монографии и учебники национальных историков, в особенности на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии. В преобладающем большинстве работ наблюдается стремление отказаться от общего с Россией прошлого и стремление ее опорочить, обвиняя в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности добровольно присоединенных или аннексированных народов [Абуев 1997; Абдурахимова, Рустамова 1999; Алымбаев 2002; Брежнева 2005, с. 500–535; Данияров 2000а; Данияров 2000б; Исхаков, 1997; Национальные истории в советском и постсоветских государствах 1999]. Высказываются иногда и взвешенные точки зрения [Кадирметова 2014].

Зарубежная историография в 1950–1970-е годы в основном придерживалась концепции М. Н. Покровского. После распада СССР в западной историографии также произошли серьезные перемены [Ананьев 2007; Большакова 2003, с. 31–46, 60–87; Верт 2012; Герасимов и др. 2010, с. 19–52; Жук 1995, с. 162–167; Кушко, Таки 2012; Ливен 2007; Российская империя в зарубежной историографии 2005; Петров 1998; Engelstein 2002, р. 487–496; Graham, Thompson 2004; Hagen 1997, р. 393–414; Imperial and National Identities 2002; Khodarkovsky 2002; Peopling the Russian Periphery 2007; Russia Take Shape 2005; The North Caucasus Barrier 1995; Werth 2002].

Во-первых, наблюдался тот же всплеск интереса к имперской проблематике под влиянием изменившейся политической конъюнктуры и увеличения спроса на исследования феномена империи [Ливен 2005, с. 75–116].

Во-вторых, новая «имперская история» расширила свои границы, включив в них помимо традиционных вопросов военной, экономической, геополитической власти такие сферы, как экология, гендер, проблемы идентичности, а также многое из наследия «всеобщей», или глобальной, истории [Religious Freedom 2012, p. 509–514].

В-третьих, обнаружился интерес к теоретическим и методологическим проблемам изучения империи, государственного строительства и национализма и сравнительным исследованиям. Подчеркивается важность лингвистически-когнитивного подхода к феномену империи. Дискурс империи и национализма, происходящий в обществе, нагружает источники оценками, шумом и страстью современников и создает логические ловушки при некритическом перенесении языка самоописания империи в язык анализа или при использовании нормативного языка национализма для описания исторического опыта империи (см. интересную дискуссию по проблеме толерантности в империи [Андерсон 2001; Гатагова 2013, с. 328–348; Герасимов и др. 2010, с. 19–52; Калхун 2006; Каппелер 2000, с. 15–32; Кивельсон 2012; Лурье 2013, с. 1293–1308; Нации и национализм; Суни 2001, с. 9–73; Схиммельпеннинкван 2009; Эткин 2013; Хардт, Негри 2004; Masoero 2013, p. 59–91; Morrison 2012, p. 919–936; Schimmelpenninck 2010; Space, Place, and Power in Modern Russia 2010]).

В-четвертых, история Российской империи рассматривается как часть европейской и всеобщей истории в контексте различных часовых поясов преобразования имперских политических отношений под воздействием национализма [Герасимов и др. 2010, с. 19–52; Суни 2001, с. 9–73].

В-пятых, смещается внимание с эксплуатации периферии центром на их взаимодействие, на повседневную жизнь народов, которые отнюдь не были в каждый момент обеспокоены проблемой отношений с центром и ущемления своих прав, а также на идеологию империи, которая оказывала влияние на реальную жизнь (см., напр.: [Бурбанк, Купер 2007, с. 47–85; Ливен 2007; Суни 2001, с. 9–73; Сандерлэнд 2003, с. 101–114; Imperial Russia 1998. p. XX–XXII, с. 338–339].

В-шестых, пересматривается концепция о прогрессивности и преимуществах национальных государств перед империями, критикуются представления о неизбежности краха любой империи и об отмирании имперской политической организации социума и триумфе наций и национальных государств как упрощающих реальность [Барбашина 2001; Бурбанк, Вэнк 1995, с. 16–24; Герасимов и др. 2010, с. 19–52; Исламов 1995. с. 25–47; Суни 2001 с. 9–73; Ханак 1996, с. 48–56].

В-седьмых, Российская империя многими историками рассматривается как своеобразная и отличающаяся рядом важных особенностей от типичной европейской морской колониальной империи [Бурбанк, Купер 2007, с. 47–85; Гаммерль 2006, с. 301–328; Ливен 2004, с. 71–93; Ливен 2007, с. 643; Рибер 2004, с. 33–71; Рибер 2003, с. 86–131; Устойчивые факторы российской внешней политики 2000, с. 94–145; Сандерлэнд 2003, с. 101–114; After Empire 1997; Starr 1978, p. 3–38]. Но есть, разумеется, и те, кто считает Россию типичной колониальной империей [Каррер д'Анкосс 2007, с. 10, 56; Пайпс 1993, с. 159–160; Khodarkovsky 2002; LeDonne 1997; LeDonne 2004].

Стабильность и сохранение единства полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи в значительной мере объяснялись достаточно гибкой этноконфессиональной политикой.

Изучение практик этноконфессионального управления позволило сформулировать семь общих принципов этой политики, которыми предпочитало по возможности руководствоваться имперское правительство:

1) политика должна определяться применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе в соответствии с принципом *ad hoc* — смотря по обстоятельствам [Миронов 2014, с. 115–186], быть гибкой и прагматичной;

2) предоставление подданным из состава коренных народов присоединенных территорий права быть гражданскими субъектами на равных с русскими основаниях;

3) сохранение статус-кво, использование косвенного, непрямого управления, предоставление широкой автономии присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам, в особенности на первых этапах интеграции;

4) применение стратегии промежуточных, компромиссных институтов в ходе интеграции и модернизации традиционных обществ;

5) широкое сотрудничество с местными элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, их включение в систему управления империей, преобладание социальной ассимиляции над собственно этнической, важность прежде всего политической лояльности интегрируемых обществ и их лидеров;

6) этническая и конфессиональная толерантность, отсутствие дискриминации, по большей части правовой по этноконфессиональным признакам;

7) создание некоторых преимуществ в правовом положении «иностранцев» (в юридическом смысле этого слова) сравнительно с русскими.

Эта политика имела объективные предпосылки — относительную малочисленность русского этноса, недостаток административных и финансовых ресурсов, неразвитость информационной и транспортной инфраструктур для быстрой и глубокой ассимиляции «окраин». Широко распространенное представление о всевластии российской бюрократии и вообще о сверхуправлении империей не соответствует реальности (см., напр.: [Миронов 2015, с. 422–447]).

Вследствие недостатка административных ресурсов коронные власти не могли осуществлять прямое политическое господство без помощи местных элит, еще в меньшей степени власти имели возможность жестко и всесторонне управлять экономической и общественной жизнью нерусского населения. Поэтому она проходила под влиянием в большей степени эндогенных, чем экзогенных, факторов и при поверхностном руководстве из Москвы или Петербурга.

Отраслевая структура занятости народов полиэтнической страны хорошо отражает положение в ней различных этносов и их роль в экономической и общественной жизни. В силу этого Первая всеобщая перепись населения дает нам прекрасную возможность оценить роль различных этносов в экономической и общественной жизни страны и благодаря этому тестировать различные точки зрения на характер Российской империи. Перепись, проведенная в 1897 г., суммирует результаты социально-экономических процессов и как бы подводит итог почти 200-летнему существованию империи.

Табл. 1 содержит данные о проценте *самодельного* населения (лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше, имевшие самостоятельные занятия и не являвшиеся иждивенцами), занятого в важнейших сферах труда, для отдельных этносов

Таблица 1. Отраслевая структура занятости отдельных этносов Российской империи в 1897 г. (в % от самодеятельного населения)*

Народы	Управление	Армия	Церковь	Свободные профессии	Финансы, торговля	Транспорт и связь	Промышленность и ремесло	Сельское хозяйство	Прислуга, поденщики	Рантье	Прочие	Итого
Русские	1,4	4,3	1,3	1,4	3,2	4,4	19,1	47,3	10,3	2,4	5,1	100
Украинцы	0,6	3,4	0,5	0,5	1,0	1,6	7,6	73,1	9,0	0,8	2,0	100
Поляки	1,2	3,5	0,4	1,3	1,4	3,0	16,6	48,6	17,9	3,3	2,9	100
Среднеазиатские	0,2	0,4	0,5	0,3	3,5	1,2	11,6	74,9	5,4	0,2	1,7	100
Белорусы	0,6	2,2	0,3	0,5	0,4	1,7	5,4	77,8	7,3	0,9	3,0	100
Евреи	0,2	3,5	1,3	3,2	29,5	5,1	35,5	2,7	11,5	3,8	3,8	100
Татары	0,5	3,1	0,6	0,4	5,0	3,0	8,0	67,2	7,6	1,0	3,6	100
Поволжские	0,3	1,4	0,5	0,2	0,2	0,4	1,7	90,6	1,6	0,4	2,6	100
Немцы	1,0	2,9	0,3	3,8	4,0	2,8	25,1	39,0	11,7	5,8	3,6	100
Литовцы	0,5	1,2	0,4	0,3	0,4	1,3	6,7 73,7	10,5	1,1	3,9	100	
Уральские	0,1	1,1	0,7	0,2	0,9	0,6	4,0	83,7	2,8	0,3	5,7	100
Латыши	0,7	1,4	0,1	0,8	1,4	3,1	15,7	58,4	12,2	2,0	4,4	100
Грузины	0,9	1,6	1,1	0,6	2,8	4,2	7,8	66,2	8,3	3,6	3,0	100
Кавказские горцы	0,6	0,7	0,3	0,2	0,9	0,6	5,7	80,7	5,3	1,1 3,8	100	
Молдаване	0,3	3,2	1,1	0,3	0,5	0,8	3,2	82,4	5,2	0,8	2,2	100
Армяне	1,1	1,9	0,9	0,9	9,6	4,6	17,3	48,1	9,0	3,2	3,4	100
Эстонцы	0,7	1,2	0,1	0,7	1,5	3,0	17,4	56,4	12,6	2,1	4,2	100
Малые сибирские	0,1	0,2	0,2	0,1	0,4	0,7	1,8	90,2	3,0	0,3	3,0	100
Финские северные	0,4	1,1	0,3	0,4	0,9	2,6	8,8	71,8	7,5	1,1	5,1	100
Греки	0,6	1,5	0,8	1,0	11,7	5,8	16,4	50,1	6,8	3,0	2,3	100
Калмыки	0,3	0,4	4,1	0,1	0,3	0,2	1,9	61,5	27,5	0,5	3,2	100
Болгары	0,7	2,0	0,6	0,7	2,5	1,7	7,5	78,4	2,9	1,6	1,4	100
Другие**	0,7	7,9 0,3	3,6	7,8	5,2	17,0	37,2	13,8	1,7	4,8	100	
Итого	1,0	3,4	0,9	1,1	3,8	3,3	15,6	54,9	10,0	2,0	3,9	100

Источники: [Общий свод 1905, т. 2, с. 326–355].

* *Сельское хозяйство*: сельское хозяйство, пчеловодство, животноводство, лесоводство, рыболовство (группы занятий по переписи 17–21). *Промышленность и ремесло*: горная и обрабатывающая, строительство (группы занятий 22–40). *Финансы, торговля* (группы занятий 46–59). *Транспорт и связь*: все виды транспорта, почта, телеграф, телефон, гостиницы, бани, парикмахерские (группы занятий 41–45, 60–62). *Прислуга, поденщики*: деятельность и служба частная, прислуга и поденщики (группа занятий 13). *Свободные профессии*: частная юридическая деятельность, врачебная, учебная и воспитательная деятельность, наука, литература, искусство, благотворительность (группы занятий 3, 9–12). *Рантье* (группа занятий 8). *Управление*: администрация, суд, полиция, общественная и сословная служба (группы занятий 1, 2). *Армия* (группа занятий 4). *Церковь*: богослужение всех конфессий, обслуживание церковных учреждений (группы занятий 5–8). *Прочие* группы занятий — 15, 16, 63–65.

Идентификация этноса во время переписи 1897 г. производилась на основе языка. *Грузины*: картвельские наречия, грузинский, имеретинский, мингрельский, сванетский. *Кавказские горцы*: 19 языков и наречий. *Литовцы*: литовский и жмудский. *Молдаване*: молдаванский и румынский.

Малые сибирские включали 19 народностей. *Поволжские* (народы Средней Волги): черемисский, чувашский, мордовский, вотяцкий. *Финские северные*: финский, карельский, ижорский, чудский, зырянский, пермяцкий. *Уральские* (народы Урала): тептярский, мешчеряцкий, башкирский. *Среднеазиатские* (народы Казахстана и Средней Азии) включали 14 народностей. *Прочие* включали 44 народа, преимущественно эмигрантов из Европы: чехов, словаков, англичан, французов, испанцев, шведов, норвежцев и других, а также эмигрантов из Азии: китайцев, японцев, корейцев, монголов и др.

** Российские подданные иностранного, главным образом европейского, происхождения.

в 1897 г. Мы видим: у всех народов, за исключением евреев и греков, самые популярные занятия — сельское хозяйство, промышленность (вместе с ремеслом) и наемная работа в качестве прислуги и поденщиков. У евреев на первом месте стояла промышленность (главным образом в качестве ремесленников), на втором — банки и торговля, на третьем — частная служба (преимущественно в качестве агентов и менеджеров, говоря по-современному); у греков — соответственно сельское хозяйство, затем промышленность, торговля.

Если сравнить долю представителей данного этноса, занятого в определенной сфере труда, с долей всего самодеятельного населения, занятого в той же сфере труда (см. последнюю строку табл. 10 — «Итого»), то увидим, к каким отраслям каждый этнос тяготеет выше среднего, к каким — ниже среднего уровня, принимая за средний уровень процент всего населения империи, занятого в данной сфере труда. Например, поляки занимались финансами и торговлей в 2,7 раза (3,8 / 1,4) меньше, чем все население в целом, поскольку среди них в этой сфере было занято 1,4%, а в среднем по империи — 3,8% самодеятельного населения. У русских тяга к промышленным занятиям была немногим выше среднего, а к сельскому хозяйству — ниже среднего по империи. Предпочитаемые занятия евреев — торговля и финансы, поскольку в этой сфере было занято в 7,8 раза больше людей, чем в среднем по империи: 29,5% против 3,8%. Татары выше среднего тяготели к сельскому хозяйству и торговле и ниже среднего — к промышленности и услужению.

Теперь оценим относительную роль этносов в отдельных сферах труда по проценту самодеятельных лиц данного этноса, в них занятого (табл. 2, 3–13-й столбцы).

Например, в сфере управления на долю русских приходилось 67,8% всех занятых в этой сфере, на долю немцев — 1,5, на долю евреев — 0,8, на долю поляков — 6,3, на долю татар — 1,4%, следовательно, вклад русских в дело управления империей составлял 67,8%, немцев — 1,5, евреев — 0,8, поляков — 8,9, татар — 1,4%. В сфере кредита и торговли доля русских составляла 40,3%, немцев — 1,7, евреев — 36,0, поляков — 2,7, татар — 3,4%, значит, вклад русских в финансовой и торговой сфере империи равнялся 40,3%, немцев — 1,7, евреев — 36,0, поляков — 2,7, татар — 3,4%.

Можно оценить и степень участия представителей отдельных этносов в разных сферах деятельности — в управлении, армии и т. п. В данном случае степень участия показывает управленческие или военные обязанности (функции) на душу данного этноса. Доля русских в общем населении (самодеятельного населения вместе с иждивенцами) составляла 44,3%, а в управлении — 67,8%, значит, русские участвовали в управлении, суде и полиции примерно в 1,5 раза активнее, чем подданные империи в среднем (67,8 / 44,3), соответственно немцы — в 1,1 раза активнее

Таблица 2. Этнопрофессиональная структура
самодельного населения Российской империи в 1897 г. (в %)

Народы	Доля в населении	Управление коронное и общественное	Армия	Церковь	Свободные профессии	Финансы, торговля	Транспорт и связь	Промышленность	Сельское хозяйство	Прислуга, поденщики	Рантье	Прочие виды деятельности	Общий вклад этноса*
Русские	44,3	67,8	59,4	67,2	56,2	40,3	62,7	57,9	40,7	48,4	56,1 61,5	47,3	
Украинцы	17,8	9,3	15,1	9,0	6,2	4,1	7,6	7,5	20,4	13,8	6,0	7,7	15,3
Поляки	6,3	8,9	7,8	3,0	8,7	2,7	6,9	8,0	6,7	13,5	12,3	5,6	7,6
Среднеазиатские	5,8	1,2	0,7	3,1	1,2	4,7	1,9	3,8	7,0	2,7	0,6	2,2	5,1
Белорусы	4,7	2,3	2,4	1,3	1,6	0,4	1,9	1,3	5,2	2,7 1,6	2,8	3,7	
Евреи	4,0	0,8	4,7	6,9	13,1	36,0	7,1	10,5	0,2	5,3	8,6	4,5	4,6
Татары	2,9	1,4	2,3	1,8	0,9	3,4	2,4	1,3	3,2	2,0	1,3	2,4	2,6
Поволжские	2,1	0,5	0,6	0,8	0,2	0,1	0,2	0,2	2,5	0,2	0,3	1,0	1,5
Немцы	1,4	1,5	1,4	0,5	5,5	1,7	1,4	2,6	1,1	1,9	4,6	1,5	1,6
Литовцы	1,3	0,8	0,5	0,7	0,4	0,2	0,5	0,6	1,9	1,5	0,8	1,4	1,4
Уральские	1,2	0,1	0,3	0,7	0,1	0,2	0,2	0,2	1,5	0,3	0,1	1,4	1,0
Латыши	1,1	1,1	0,6	0,2	1,1	0,6	1,5	1,6	1,7	2,0	1,5	1,8	1,6
Грузины	1,1	0,9	0,5	1,3	0,5	0,7	1,3	0,5	1,2	0,8	1,7	0,8	1,0
Кавказские горцы	1,1	0,6	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2	0,3	1,4	0,5	0,5	0,9	0,9
Молдаване	0,9	0,2	0,7	0,9	0,2	0,1	0,2	0,2	1,1	0,4	0,3	0,4	0,7
Армяне	0,9	0,8	0,4	0,8	0,6	1,9	1,1	0,8	0,7	0,7	1,2	0,7	0,8
Эстонцы	0,8	0,7	0,4	0,2	0,7	0,5	1,0	1,3	1,2	1,4	1,2	1,2	1,1
Малые сибирские	0,6	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,9	0,2	0,1	0,4	0,5
Другие	0,6	0,5	1,6	0,2	2,2	1,4	1,1	0,8	0,5	1,0	0,6	0,9	0,7
Финские северные	0,5	0,2	0,1	0,2	0,2	0,1	0,4	0,3	0,6	0,3	0,3	0,6	0,5
Греки	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,5	0,3	0,2	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1
Калмыки	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,4	0,0	0,1	0,1	0,2
Болгары	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: [Общий свод 1905, т. 2, с. 326–355].

* Вклад в жизнедеятельность социума равен доле этноса во всех сферах деятельности.

(1,5 / 1,4), а евреи в сфере управления были в 5 раз пассивнее (4,0 / 0,8). В финансах и торговле степень участия русских была в 1,1 раза ниже, чем подданных империи в среднем (44,3 / 40,3), немцев — в 1,2 раза выше, а евреев — в 9 раз выше (36 / 4).

Аналогичным образом можно сравнить относительную активность представителей каждого этноса во всех сферах жизни. Самым активным в управлении и в армии был русский (если не брать во внимание российских подданных иностранного происхождения), в церковных делах — калмык, в свободных науках и искусствах, а также в накоплении капитала — немец, в торговле и финансах, на транспорте

и в коммуникациях, а также в промышленности — еврей, в сельском хозяйстве — латыш, в услужении — поляк. Повторюсь, в данном случае речь идет не об общем вкладе этноса в ту или иную сферу труда, а о вкладе *отдельного* представителя данного этноса. Суммарный вклад евреев в финансы и торговлю меньше, чем суммарный вклад русских (36,0 против 40,3 %) по причине того, что русских в империи насчитывалось в 11 раз больше. Но вклад отдельного еврея (как бы на душу населения) в финансы и торговлю был больше, чем отдельного русского в 9 раз.

Доля самодеятельной части этноса (т.е. тех, кто самостоятельно добывал средства к жизни) во всех областях жизни (14-й столбец табл. 11) показывает общий, или *суммарный, вклад этноса в жизнедеятельность российского социума*. Например, во всех сферах деятельности на долю русского этноса приходилось 47,3 % самодеятельного населения, значит, и вклад русских в жизнедеятельность социума также равен 47,3 %. Поскольку доля русских в общем населении страны равнялась 44,3 %, то вклад отдельного («среднего») самодеятельного русского человека в общеимперские дела был в 1,1 раза больше, чем отдельного подданного империи (47,3 / 44,3), соответственно немца — тоже в 1,1 раза больше (1,6 / 1,4), еврея и поляка — в 1,2 раза больше (соответственно (4,6 / 4,0) и (6,7 / 6,3)), татарина — в 1,1 меньше (2,9 / 2,6), калмыка и грека — в 2 раза меньше (0,2 / 0,1) и т.д. Иначе говоря, русские, немцы, евреи, поляки проявляли активность в делах империи выше среднего уровня, а татары, калмыки и греки — ниже среднего. Эти различия обуславливались не дискриминацией отдельных этносов, ибо самые дискриминированные, как обычно считается, евреи и поляки участвовали в делах империи активнее русского, немца или татарина.

Ранжируя аналогичным образом этносы по их вкладу (или степени активности) в отдельные сферы и общеимперские дела в целом, мы получим представление о *роли и, значит, положении в обществе отдельного представителя данного этноса в экономической и общественной жизни страны* (табл. 3). Результаты получились очень интересными.

Самыми активными в общеимперских делах были латыши — в 1,5 активнее подданных империи, вторыми — эстонцы; 3-е, 4-е и 5-е места разделили поляки, разные малые народы, не вошедшие в наш список, и евреи, 6-е, 7-е и 8-е разделили немцы, литовцы и русские. Этносы, занявшие с 1-го по 8-е место включительно, были активнее типичного российского подданного. 9-е и 10-е места разделили финские северные народы и болгары — их активность находилась на среднем уровне. Ниже среднего в делах империи принимали участие этносы, находившиеся на местах с 11-го по 23-е, среди них украинцы, белорусы, молдаване, на последнем месте находились греки — в 1,5 раза менее активные, чем типичный подданный империи. Таким образом, роль и вклад русских в целом в дела империи были наибольшими, но они брали скорее массой, общей численностью, чем особой русской этнической активностью, хотя последняя находилась на уровне также выше среднего.

Особенность структуры занятости русских состояла в том, что, во-первых, каждый из них в среднем в 1,4 раза выше среднего российского подданного проявлял активность в управлении и делах веры, в 1,3 раза выше среднего — в военной сфере, в делах, выполнявшихся людьми свободных профессий, а также в накоплении капиталов и в промышленности, во-вторых, в их сравнительно низкой активности в торговле, финансах и, как ни парадоксально, в сельском хозяйстве (следу-

Таблица 3. Ранжирование этносов по степени участия в различных сферах деятельности

Народы	Во всех сферах	Управление коронное и общественное	Армия	Церковь	Свободные профессии	Финансы, торговля	Транспорт и связь	Промышленность	Сельское хозяйство	Прислуга, пощенники	Рантье	Прочие виды деятельности
1. Латыши	1,5	1,0	0,5	0,2	1,0	0,5	1,4	1,5	1,6	1,8	1,4	1,6
2. Эстонцы	1,4	0,9	0,5	0,3	0,9	0,6	1,3	1,6	1,5	1,8	1,5	1,5
3. Поляки	1,2	1,4	1,2	0,5	1,4	0,4	1,1	1,3	1,1	2,1	2,0	0,9
4. Другие*	1,2	0,8	2,7	0,3	3,7	2,3	1,8	1,3	0,8	1,7	1,0	1,5
5. Евреи	1,2	0,2	1,2	1,7	3,3	9,0	1,8	2,6	0,1	1,3	2,2	1,1
6. Немцы	1,1	1,1	1,0	0,4	3,9	1,2	1,0	1,9	0,8	1,4	3,3	1,1
7. Литовцы	1,1	0,6	0,4	0,5	0,3	0,2	0,4	0,5	1,5	1,2	0,6	1,1
8. Русские	1,1	1,5	1,3	1,5	1,3	0,9	1,4	1,3	0,9	1,1	1,3	1,4
9. Финские северные	1,0	0,4	0,2	0,4	0,4	0,2	0,8	0,6	1,2	0,6	0,6	1,2
10. Болгары	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,0	1,0	0,0	1,0	0,0
Российский подданный	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
11. Грузины	0,9	0,8	0,5	1,2	0,5	0,6	1,2	0,5	1,1	0,7	1,5	0,7
12. Татары	0,9	0,5	0,8	0,6	0,3	1,2	0,8	0,4	1,1	0,7	0,4	0,8
13. Армяне	0,9	0,9	0,4	0,9	0,7	2,1	1,2	0,9	0,8	0,8	1,3	0,8
14. Среднеазиатские	0,9	0,2	0,1	0,5	0,2	0,8	0,3	0,7	1,2	0,5	0,1	0,4
15. Украинцы	0,9	0,5	0,8	0,5	0,3	0,2	0,4	0,4	1,1	0,8	0,3	0,4
16. Уральские	0,8	0,1	0,3	0,6	0,1	0,2	0,2	0,2	1,3	0,3	0,1	1,2
17. Малые сибирские	0,8	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2	0,2	0,2	1,5	0,3	0,2	0,7
18. Кавказские горцы	0,8	0,5	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2	0,3	1,3	0,5	0,5	0,8
19. Белорусы	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	0,4	0,3	1,1	0,6	0,3	0,6
20. Молдаване	0,8	0,2	0,8	1,0	0,2	0,1	0,2	0,2	1,2	0,4	0,3	0,4
21. Поволжские	0,7	0,2	0,3	0,4	0,1	0,0	0,1	0,1	1,2	0,1	0,1	0,5
22. Калмыки	0,5	0,0	0,0	3,5	0,0	0,0	0,0	1,0	1,0	2,0	0,0	0,5
23. Греки	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	2,5	1,5	0,0	0,5	0,5	1,0	0,5

Подсчитано по данным: [Общий свод 1905, т. 2, с. 326–355].

* Российские подданные иностранного, главным образом европейского, происхождения.

ет заметить, что относительно меньшая активность в сельском хозяйстве отчасти объяснялась тем, что миллионы русских в значительно большей степени, чем представители других этносов, сочетали труд в сельском хозяйстве с трудом в промышленности, ремесле, торговле, промыслах и услужении). Особенность структуры занятости немцев состояла в том, что, во-первых, они в 3,9 раза выше среднего уровня проявляли активность в сфере культуры, образования и науки, в 3,2 раза выше среднего — в накоплении капиталов и в 1,9 раза выше среднего — в промышленности, во-вторых, в их низкой активности в делах церкви и в сельском хозяйстве. Особенность структуры занятости поляков состояла в том, что они наибольший вклад вносили в сферу услуг (в 2,1 раза выше среднего), в дела управления, культу-

ры, образования и науки (в 1,4 раза выше среднего), а также в низкой активности в финансах, торговле и церковных делах. Особенность структуры занятости татар состояла в их активном участии в сфере торговли и сельском хозяйстве и низкой активности в других видах труда.

Особенность структуры занятости евреев состояла, во-первых, в их экстраординарной роли в торговле и финансах, где они были в 9 раз активнее среднего российского подданного, а также — в сфере свободных профессий, где они были в 3,3 раза активнее (преимущественно в медицине, юриспруденции и преподавании), во-вторых, в их низкой активности в сельском хозяйстве, управлении и армии. Правда, для занятий в двух последних сферах некрещенные евреи имели ограничения. Правительство прекрасно сознавало, что любые ограничения еврейской экономической деятельности наносили ущерб экономическому развитию страны и вследствие этого в целом не препятствовало еврейской хозяйственной активности, сознавая ее важность для экономики страны, ибо в финансах, в хлебной, лесной и винной (до 1896 г.) торговле, в сахарной и мукомольной промышленности, а также во внешней торговле еврейский капитал занимал ведущие позиции, а в железнодорожном строительстве, нефтяной промышленности и кооперации играл весьма важную роль. И все же на деятельность евреев время от времени вводились экономические ограничения с целью повысить конкурентоспособность других этносов, прежде всего русских.

Замечу, отдельные сферы труда давали занятым в них лицам различную степень власти, влияния и дохода. Администрация, суд, полиция, армия и церковь давали больше власти, престижа и влияния и часто, но не всегда, больше дохода. По степени престижа и влияния в обществе на первое место в конце XIX в. можно поставить лиц свободных профессий, затем занятых в армии (на офицерских должностях), в управлении, суде, полиции, после них — занятых в финансах, торговле, промышленности, на транспорте, в услужении и сельском хозяйстве. Эта ориентировочная стратификация проведена на основе Табели о рангах, сведений о престиже и социальном составе профессий. Лица, находившиеся на военной и гражданской государственной службе, по социальному статусу были в привилегированном положении. Они освобождались от налогов и повинностей, получали жалование, имели особое титулование и другие привилегии. При этом военный чин давал дворянство раньше, чем гражданский, и престиж военной службы был выше. По социальному составу офицеры и чиновники в значительной степени состояли из дворян. Далее в иерархии шли лица, занятые в богослужении. Они не имели чинов, но священнослужители освобождались от налогов и повинностей, получали ордена, имели титулование. К концу XIX в. большая часть православного духовенства получала содержание от государства — фактически жалование. Лица, занятые в сфере услуг, в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, не обладали перечисленными привилегиями и занимали в социальной иерархии низшие ступени. Особо следует сказать о лицах свободных профессий. К ним относились люди, самостоятельно выполняющие научную, художественную, писательскую, преподавательскую или воспитательную деятельность, а также работу врачей, адвокатов, нотариусов, патентоведов, инженеров, архитекторов и т. п. Они имели, как правило, высшее образование или, как минимум, законченное среднее. Большая их часть находилась на государственной службе и пользовалась привилегиями лиц, находящихся на го-

сударственной службе. При окончании учебных заведений выпускники получали чин, пропорциональный их учебным успехам. В дальнейшем благодаря образованию их средний чин был выше среднего чина обычных чиновников, и они продвигались по чиновной лестнице быстрее. Кроме того, в конце XIX в. лица свободных профессий приобрели дополнительное влияние на общество вследствие их участия в земствах, городских думах и добровольных общественных организациях, а также в журналистике. На этом основании по престижу их можно поставить на первое место. Замечу, что в 1897 г. в Европейской России насчитывалось лиц с высшим образованием (военным и гражданским) лишь 111,3 тыс. или 0,23 % (среди лиц в возрасте 20 лет и старше), а со средним — соответственно 663,3 тыс., или 1,38 % [Общий свод 1905, т. 1, с. 198].

По доходности сферы деятельности ранжировались по-другому: финансы и торговля, управление, транспорт, промышленность, сфера услуг, сельское хозяйство. Вклад отдельного этноса в жизнедеятельность империи получил бы более точную оценку, если бы учитывались не только процент лиц, занятых в различных сферах труда, но и степень властности, влияния и доходности отдельных профессий. Но это большая и сложная проблема, требующая специального исследования. Отмечу только, что относительно меньшая активность этноса в экономической деятельности отчасти компенсировалась большей активностью в управлении, суде, полиции, армии (по сути, в политической деятельности), а также в свободных профессиях — типичные примеры дают русские и немцы. Наоборот, относительно слабая активность в политике компенсировалась экономической активностью, особенно в финансах и торговле, обеспечивавших наивысшие доходы и благодаря этому возможность влиять на власть предрержащих, — типичный пример дают евреи, латыши и эстонцы. Для оценки наличия или отсутствия этнической дискриминации достаточно используемой приблизительной стратификации профессий.

Чем обуславливались различия в суммарном социально-экономической вкладе отдельных этносов в дела империи и различия в активности их отдельных типичных представителей? Как демонстрируют приведенные данные, неформальными ограничениями, т. е. неправовой дискриминацией, поскольку во всех сферах труда мы встречаем представителей практически всех этносов. Причины иные: различия в численности и культурно-экономическом потенциале отдельных этносов. Величина *самодетальной части* каждого этноса, т. е. численность лиц, способных самостоятельно добывать средства к жизни, определялась численностью этноса, уровнем рождаемости и смертности, его здоровьем (в том числе процентом инвалидов по рождению) и половозрастным составом (чем больше здоровых мужчин в трудоспособном возрасте, тем больше доля самодетального населения) — это *биологический* потенциал этноса. Процент самодетального населения зависел также от распространенной в данном народе семейной структуры, принятого в нем возраста начала и окончания самостоятельного труда (доли иждивенцев), средней продолжительности жизни. Наконец, уровень образования, трудовая этика, система ценностей, наличие капитала, этнические предпочтения деятельности и правовые ограничения влияли на распределение представителей данного этноса между различными отраслями труда (различными по власти, влиянию и доходу) — назову это условно *культурно-экономическим* потенциалом народа.

Вследствие недостатка административных ресурсов коронные власти не могли управлять внутренней жизнью инославного населения. Контроль над внутренней жизнью мусульманских регионов России на уровне уездов и волостей практически отсутствовал, что приводило к росту влияния ислама на территориях совместного проживания мусульман и православных. Такая ситуация, в свою очередь, подогревалась низшим мусульманским духовенством, видевшим в российских властях сдерживающую силу их влияния на свою паству. Простое мусульманское население опасалось лишь покушения на свое стабильное состояние, не претендуя на большее. Многие же представители мусульманского духовенства стремились расширить сферу своего влияния за счет прежде всего новокрещенных из бывших мусульман. Активную позицию занимала в этом вопросе Османская империя, которая через своих единоверцев в России, в основном из совершивших хадж, оказывала активное воздействие на умы местных приверженцев ислама. Именно в этом и состоял основной конфликт между властью и мусульманским духовенством в исламских регионах России второй половины XIX в. В таком состоянии подобное восприятие перешло в век XX, во многом обострившись и усиливая центробежные тенденции в мусульманских анклавах Российской империи [Тихонов 2007, с. 260; Тихонов 2010, с. 323–330].

То же можно сказать относительно населения других инославных конфессий. Империя пыталась перейти от управления посредствующими коллективными институтами к управлению индивидами, сделать их непосредственно наблюдаемыми и контролируемыми. Но трудности, с которыми сталкивалась империя даже в последние десятилетия своего существования, демонстрируют, «насколько слабым оставалось объятие государства для своих подданных, представляя скорее широкий охват, а не крепкую хватку», — констатирует американский историк П. Верт [Верт 2012, с. 142] (см. также: [Breyfogle, Schrader, Sunderland 2007, p. 7; Boeck 2007, p. 44, 47]).

Подведу итог сказанному.

Российская империя являлась полиэтнической и поликонфессиональной империей, в которой «титальный» этнос находился в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 90 % всего населения страны, к 1917 г. — лишь 43 % [Водарский 2013, с. 77; Кабузан 1996, с. 279, 283–288, 294].

В управлении, коронном и общественном, а также в армии этнического фаворитизма не существовало, так как там были представлены все этносы, включая евреев, якутов, цыган, чеченцев, абхазцев, примерно пропорционально доле данного этноса в населении империи (за исключением евреев в управлении). Зато в различных сферах экономической деятельности этносы участвовали по-разному, в зависимости от склонностей и культурных традиций. Этническая дискриминация наблюдалась почти исключительно в отношении некрещенных евреев. Так называемая «русификация» в последней трети XIX в. способствовала тому, что представители нерусских этносов, получившие образование по-русски, получили возможность занимать административные должности и более активно участвовали в управлении своим регионом.

Отсутствие этнической дискриминации обеспечивалось достаточно гибкой этноконфессиональной политикой имперского этнопатернализма, которая уважала статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения,

широко сотрудничала с местными элитами, проявляла конфессиональную и этническую толерантность, создавала некоторые преимущества в правовом положении нерусских сравнительно с русскими, предоставляла коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами наравне с русскими. Подобная «технология» управления этноконфессиональным разнообразием империи позволяла осуществлять постепенную, достаточно гибкую и непрямолинейную имперскую интеграцию и модернизацию традиционных обществ «окраин» и обеспечила долгое сохранение единства полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи.

Источники и литература

- Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX в. Ташкент: Университет, 1999. 161 с.
- Абуев К. К. Кокшетау: исторические очерки. Кокшетау: Полиграфия, 1997. 300 с.
- Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья, XVI — начало XIX в. М.: Наука, 1990. 265 с.
- Алымбаев Ж. Б. Историография завоевания Туркестана Россией XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2002. 31 с.
- Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI — первой половины XIX в. в англо- и германоязычной историографии (XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. 183 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. 286 с.
- Барбашина О. И. Проблемы новой истории Австрии в российской исторической науке: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 255 с.
- Барзилов С. И. Российское историческое пространство в имперском и региональном измерениях // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. С. И. Барзилова. М.: Московский научный фонд, 2001. С. 10–23.
- Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: Три квадрата, 2004. 480 с.
- Большакова О. В. Российская империя: система управления. Современная зарубежная историография: аналитический обзор. М.: Институт научной информации по общим наукам РАН, 2003. 86 с.
- Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России, вторая половина XIX в. — начало XXI в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2005. 282 с.
- Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектория империи // *Ab Imperio*. 2007. No. 4. С. 47–85.
- Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.
- Водарский Я. Е. Территория России в XI—XVII вв. // Историческая география России, IX — начало XX века. Территория. Население. Экономика. Очерки / под ред. К. А. Аверьянова. М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 73–110.
- Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / под ред. Т. М. Исламова, А. И. Миллера. М.: ИСБ, 1995. С. 16–24.
- Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Мысль, 1976. 455 с.
- Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // Между канунами: исторические исследования в России за последние 25 лет / Г. Бордюгов (ред.). М.: АИРО-XXI, 2013. С. 328–348.
- Герасимов И. и др. Новая имперская история и вызовы империи // *Ab Imperio*. 2010. No. 1. С. 19–52.
- Германова В. В. Вторжение Российской империи в Среднюю Азию. (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи / под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмахановой. М.: АИРО- XXI, 2008. С. 360–379.
- Данияров К. История Казахского государства, XV–XX вв. Ч. 1. Алматы: Жибек Жолы, 2000а. 198 с.
- Данияров К. История Казахского государства, XV–XX вв. Ч. 2. Алматы: Жибек Жолы, 2000б. 196 с.
- Жук С. И. Заметки о современной американской историографии // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 162–167.

- Исламов Т. М. Конец средневропейской империи: Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / под ред. Т. М. Исламова, А. И. Миллера. М.: ИСБ, 1995. С. 25–47.
- Исхаков Ф. Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент: Фан, 1997. 135 с.
- Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989): Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: ИСБ, 1996. 347 с.
- Кадырметова Н. Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 200 с.
- Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 286 с.
- Каптелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
- Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 360 с.
- Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. С. 31–48.
- Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 357 с.
- Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012. 392 с.
- Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Ab Imperio. 2005. №1. С. 75–116.
- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 678 с.
- Лурье С. *Imperium*: Империя — ценностный и этносоциологический подход. М.: АИРО-XXI, 2012. 271 с.
- Лурье С. Имперская история: Новые подходы к методологии изучения // Между канунами: исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 1293–1308.
- Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 240 с.
- Миллер А. И. История не терпит простых ответов и простых решений... URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/51/624-intervju_s_alekseem_millerom.html (дата обращения: 15. 07.2016).
- Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (46). С. 162–186.
- Неизбежность империи: сб. статей по проблемам российской государственности / под ред. А. Р. Алиева, А. Н. Савельева. М.: Интеллект, 1996. 268 с.
- Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
- Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 907 с.
- Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. 409 с.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 1999. 445 с.
- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Типогр. Н. Л. Ныркина, 1905. Т. 1 — 269+89 с.; т. 2 — 417 с.
- Пайтс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
- Петров Е. В. История американского россиеведения: курс лекций. СПб.: [б. и.], 1998. 214 с.
- Правилова Е. А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 453 с.
- Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности / под ред. С. И. Барзилова. М.: Московский научный фонд (МОНФ), 2001. С. 317–344.
- Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / Под ред. П. Верга, П. С. Кабытова, А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2005. 694 с.
- Российская империя как исторический феномен // Российская империя: от истоков до начала XIX в.: очерки социально-политической и экономической истории / А. И. Аксенов, Н. Е. Бекмаханова, Я. Е. Водарский и др.; под ред. А. И. Аксенова и др. М.: Русская панорама, 2011. С. 852–857.
- Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1980. 223 с.
- Сандерлэнд У. Империя без империализма?: Неоднозначность процесса колонизации в царской России // Ab Imperio. 2003. № 2. С. 101–114.

- Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Соцэкгиз, 1958. 244 с.
- Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века. Алматы: Наука, 1981. 247 с.
- Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. №1/2. С. 9–73.
- Схиммельпенникван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 419 с.
- Тимченко С. В. Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахской историографии // *Центральная Азия в составе Российской империи* / под ред. С. Н. Абашина и др. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 338–359.
- Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 352 с.
- Тихонов А. К. Организация государственного управления западными и южными окраинами Российской империи второй половины XIX — начала XX в. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2010. № 1. С. 314–332.
- Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XX века). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
- Ханак П. Национальная компенсация за отсталость // *Австро-Венгрия: опыт многонационального государства* / под ред. Т. М. Исламова, А. И. Миллера. М.: ИСБ, 1995. С. 48–56.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 434 с.
- Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 327 с.
- Эгунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 316 с.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 441 с.
- Boeck B. J. Containment vs. Colonization. Muscovite Approaches to Settling the Steppe // *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York: Routledge Taylor & Francise Group, 2007. P. 41–61.
- Breyfogle N. B., Schrader A., Sunderland W. Russian Colonization: An Introduction // *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History* / eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York: Routledge Taylor & Francise Group, 2007. P. 1–19.
- Engelstein L. New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet Reflections // *Russian Review*. 2001. Vol. 60, no. 3. P. 487–496.
- Graham D., Thompson A. Theorizing Nationalism / ed. by Jo Campling. Basingstoke; Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2004. 223 p.
- Hagen M. von. Writing the History of Russia as Empire: The Perspective of Federalism // *Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов* / под ред. Б. Гаспарова и др.. М.: Объединенное Гуманитарное издательство, 1997. С. 393–414.
- Imperial and National Identities in Pre-Revolutionary Russia, Soviet, and Post-Soviet Russia / ed. by Chris J. Chulos and Johannes Remy. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (SKS) Publ., 2002. 242 p.
- Imperial Russia: New Histories for the Empire / eds J. Burbank, D. L. Ransel. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998. 359 p.
- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2002. 290 p.
- LeDonne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650—1831. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. 261 p.
- LeDonne J. P. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York: Oxford University Press, 1997. 394 p.
- Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept // *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14, N 1. P. 59–91.
- Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 4. P. 919–936.
- Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York: Routledge, 2007. 288 p.
- Religious Freedom and the Problem of Tolerance in Russian History: Note from the Editors // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, N 3. P. 509–514.
- Russia Take Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present / ed. by S. Bogatyrev. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. 289 p.

- Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven: Yale University Press, 2010. 298 p.
- Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History / eds M. Bassin, C. Ely, M. K. Stockdale. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2010. 268 p.
- The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World / eds A. Avtorkhanov, M. B. Broxup. New York: St. Martin's Press, 1995. 252 p.
- Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 275 p.

References

- Abdurakhimova N., Rustamova G. *Kolonial'naiia sistema vlasti v Turkestane vo vtoroi polovine XIX — pervoi chetverti XX v.* [Colonial system of power in Turkestan in the second half of the 19th — first quarter 20th centuries]. Tashkent, University Publ., 1999, 161 p.
- Abuev K. K. *Kokshetau: istoricheskie ocherki. Kokshetau* [Kokshetau: historical essays]. Kokshetau, Poligrafia Publ., 1997, 300 p.
- Alishev S. Kh. *Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ia, XVI — nachalo XIX v.* [Historical destiny of the peoples of the Middle Volga region, 16th — early 19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 265 p. (In Russian)
- Alymbaev Zh. B. *Istoriografiia zavoevaniia Turkestana Rossiei XIX — nachala XX v.* [Historiography of the conquest of Turkestan by Russia 19th — early 20th century]: Abstract of PhD Diss. Tashkent, 2002, 31 p. (In Russian)
- Anan'ev D. A. *Istoriia Sibiri kontsa XVI — pervoi poloviny XIX v. v anglo- i germanoiazychnoi istoriografii (XX v.)* [The history of Siberia in the late 16th — first half of the XIXth centuries in the Anglo — and German-speaking historiography (the 20th century)]: PhD Diss. Novosibirsk, 2007, 183 p. (In Russian)
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow, Kuchkovo pole [Kuchkovo field] Publ., 2001, 286 p. (In Russian)
- Barbashina O. I. *Problemy novoi istorii Avstrii v rossiiskoi istoricheskoi nauke* [The problems of modern history of Austria in the Russian historical science]: PhD Diss. Moscow, 2001, 255 p. (In Russian)
- Barzilov S. I. Rossiiskoe istoricheskoe prostranstvo v imperskom i regional'nom izmereniiakh [Russian historical space in Imperial and regional dimensions]. *Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [Space of power: historical experience of Russia and the challenges of modernity]. Ed. by S. I. Barzilov. Moscow, Publ. of Moscow Science Foundation, 2001, pp. 10–23. (In Russian)
- Bibo I. O *mysle evropeiskogo razvitiia i drugie raboty* [On the meaning of European development and other work]. Moscow, Tri kvadrata [Three squares] Publ., 2004, 480 p. (In Russian)
- Bol'shakova O. V. *Rossiiskaia imperiia: Sistema upravleniia: (Sovremennaia zarubezhnaia istoriografiia): analiticheskii obzor* [Russian Empire: the control System: (Modern foreign historiography): analytical review]. Moscow, INION RAN Publ., 2003, 86 p. (In Russian)
- Brezhneva S. N. *Istoriografiia problemy prisoedineniia Turkestanskogo kraia k Rossii, vtoraiia polovina XIX v. — nachalo XXI v.: dis. ... d-ra ist. nauk* [The historiography of the annexation of Turkestan to Russia, second half 19th century — early 21st centuries]: Doct. Diss. Moscow, 2005, 282 p. (In Russian)
- Burbank J., Cooper F. *Traektoriia imperii* [The Trajectory of Empire]. *Ab Imperio*. 2007, no. 4, pp. 47–85. (In Russian)
- Vert P. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, heterodoxy, schism: Sketches on the history of the religious diversity of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2012, 275 p. (In Russian)
- Vodarskii Ia. E. *Territoriia Rossii v XI–XVII vv.* [The Territory of Russia in the 11th — 17th centuries]. *Istoricheskaia geografiia Rossii, 9th — nachalo 20th veka: Territoriia; Naselenie; Ekonomika: ocherki* [Historical geography of Russia of the 9th — early 20th centuries. Territory. Population. Economy: Essays]. Ed. by K. A. Averyanov. Moscow, Publ. of The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences [s.n.], 2013, pp. 73–110. (In Russian)
- Venk S. *Dinasticheskaia imperiia ili mnogonatsional'noe gosudarstvo: razmyshleniia o nasledii imperii Gabsburgov v natsional'nom voprose* [Dynastic Empire or a multinational state: reflections on the legacy of the Habsburg Empire in the national question]. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: The experience of multinational state]. Eds T. M. Islamov and A. I. Miller. Moscow; ISB Publ., 1995, pp. 16–24. (In Russian)

- Galoian G. A. *Rossiiia i narody Zakavkaz'ia: Ocherki politicheskoi istorii ikh vzaimootnoshenii s drevneishikh vremen do pobedy Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii* [Russia and the peoples of the Caucasus: Essays on the political history of their relations from the earliest times to the victory of the great October socialist revolution]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, 455 p. (In Russian)
- Gatagova L. S. Imperiia: identifikatsiia problemy [Empire: identification of problem]. *Mezhdru kanunami: Istoricheskie issledovaniia v Rossii za poslednie 25 let* [Between the eves: Historical research in Russia in the last 25 years]. Ed. by G. Bordiugov. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 328–348. (In Russian)
- Gerasimov I. i dr. Novaia imperskaia istoriia i vyzovy imperii [New imperial history and the challenges of empire]. *Ab Imperio*, 2010, no. 1, pp. 19–52. (In Russian)
- Germanova V. V. Vtorzhenie Rossiiskoi imperii v Sredniuiu Aziuu: (Zametki istoriografa na poliakh uchebnikov po istorii Uzbekistana) [The Invasion of the Russian Empire into Central Asia: Notes of a historian in the fields of textbooks on the history of Uzbekistan]. *Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia in the Russian Empire]. Eds S. N. Abashin, D. Yu. Arapov, N. E. Bekmakhanov. Moscow, AIRO-XX Publ., 2008, pp. 360–379. (In Russian)
- Daniarov K. *Istoriia Kazakhskogo gosudarstva, XV–XX vv.* [The history of the Kazakh state, the 15th – 20th centuries]. Part 1. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2000a, 198 p. (In Russian)
- Daniarov K. *Istoriia Kazakhskogo gosudarstva, XV–XX vv.* [The history of the Kazakh state, the 15th – 20th centuries]. Part 2. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2000b, 196 p. (In Russian)
- Zhuk S. I. Zametki o sovremennoi amerikanskoi istoriografii [Notes on modern American historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1995, no. 10, pp. 162–167. (In Russian)
- Islamov T. M. Konets sredneevropeiskoi imperii: Razmyshleniia otnositel'no mesta i roli imperii Gabsburgov v evropeiskoi istorii [The end of the middle Eastern Empire: Reflections on the place and role of the Habsburg Empire in European history. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: The experience of multinational state]. Eds T. M. Islamov, A. I. Miller. Moscow, ISB Publ., 1995, pp. 25–47. (In Russian)
- Iskhakov F. B. *Natsional'naia politika tsarizma v Turkestane (1867–1917)* [The national policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent, Fan Publ., 1997, 135 p. (In Russian)
- Kabuzan V. M. *Russkie v mire: Dinamika chislennosti i rasseleniia (1719–1989): Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [The Russians in the world: Dynamics of size and settling (1719–1989): Formation of ethnic and political borders of the Russian people]. St. Petersburg, ICB Publ., 1996, 347 p. (In Russian)
- Kadyrmetova N. N. *Etnokonfessional'naia politika rossiiskogo pravitel'stva v XIX veke po otnosheniiu k nerusskim narodam Srednego Povolzh'ia: istoriko-politicheskii analiz* [Ethno-confessional policy of the Russian government in the 19th century in relation to the non-Russian peoples of the Middle Volga region: A historical-political analysis]: PhD Diss. Kazan', 2004, 200 p. (In Russian)
- Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow, Territoriiia budushchego [The territory of the future] Publ., 2006, 286 p. (In Russian)
- Kappeler A. *Rossiiia — mnogonatsional'naia imperiia: Vozniknovenie. Istoriia. Raspad* [Russia as a multinational empire: Emergence. History. Decay]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, 342 p. (In Russian)
- Karrer d'Ankoss E. *Evraziiskaia imperiia: Istoriia Rossiiskoi imperii s 1552 g. do nashikh dnei* [Eurasian Empire: the History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2007, 360 p. (In Russian)
- Kaspe S. I. Imperii: genesis, struktura, funktsii [Empires: Genesis, structure, functions]. *Polis*, 1997, no. 5, pp. 31–48. (In Russian)
- Kivel'son V. *Kartografii tsarstva: Zemlia i ee znacheniiia v Rossii XVII veka* [Cartography of the kingdom: The land and its meanings in the 17th century Russia]. Moscow, New Literary Review Publ., 2012, 357 p. (In Russian)
- Kushko A., Taki V. *Bessarabiia v sostave Rossiiskoi imperii (1812–1917)* [Bessarabia in the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow, New Literary Review Publ., 2012, 392 p. (In Russian)
- Liven D. Imperiia, istoriia i sovremennyi mirovoi poriadok [Empire, history and the modern world order]. *Ab Imperio*, 2005, no. 1, pp. 75–116. (In Russian)
- Liven D. *Rossiiskaia imperiia i ee vrugi s XVI veka do nashikh dnei* [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to our days]. Moscow, Evropa Publ., 2007, 678 p. (In Russian)
- Lur'e S. *Imperium: Imperiia — sennostnyi i etnosotsiologicheskii podkhod* [Imperium: Empire — axiological and ethnosociological approach]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2012, 271 p. (In Russian)
- Lur'e S. *Imperskaia istoriia: Novye podkhody k metodologii izucheniia* [Imperial history: New approaches to the methodology of the study]. *Mezhdru kanunami: Istoricheskie issledovaniia v Rossii za poslednie*

- 25 let [Between the eves: Historical research in Russia in the last 25 years]. Ed. by G. Bordiugov. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013, pp. 1293–1308. (In Russian)
- Miller A. I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [Romanov Empire and nationalism: essays in methodology of historical research]. Moscow, New Literary Review Publ., 2006, 240 p. (In Russian)
- Miller A. I. *Istoriia ne terpit prostykh otvetov i prostykh reshenii...* [History does not tolerate the easy answers and simple solutions...]. (In Russ.). Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/51/624-intervju_s_alekseev_millerom.html (accessed 15. 07.2016).
- Miller A. I. *Istoriia poniatiia "natsiia" v Rossii* [The history of the concept "nation" in Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland's proceedings], 2012, no. 1 (46), pp. 162–186. (In Russian)
- Neizbezhnost' imperii: sbornik statei po problemam rossiiskoi gosudarstvennosti [The inevitability of the empire: collection of articles on problems of Russian statehood]. Eds A. R. Aliev, A. N. Savel'ev. Moscow, Intellect Publ., 1996, 268 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Vol. 1. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2014, 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Vol. 2. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2015, 907 p. (In Russian)
- Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002, 409 p. (In Russian)
- Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National History in Soviet and post-Soviet States]. Eds K. Eimermacher, G. Bordiugov. Moscow, AIRO-XX Publ., 1999, 445 p. (In Russian)
- Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 yanvara 1897 g.* [Total compendium of the first General census of the population' results]. In 2 vols. St. Petersburg, N. L. Nyrkin's Print. House, 1905 (vol. 1 — 269, 89 p.; vol. 2 — 417 p.) (In Russian)
- Pipes R. *Rossiiia pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta [Independent newspaper] Publ., 1993, 421 p. (In Russian)
- Petrov E. V. *Istoriia amerikanskogo rossiavedeniia: kurs lektsii* [History of the American Russian studies: the course of lectures]. St. Petersburg, [s.n.], 1998, 214 p. (In Russian)
- Pravilova E. A. *Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh, 1801–1917* [The Finances of Empire: Money and Power in the Policy of Russia on the National Suburbs, 1801–1917]. Moscow, Novoe Izdatel'stvo [New Publishing House], 2006, 453 p. (In Russian)
- Remnev A. V. *Imperskoe prostranstvo Rossii v regional'nom izmerenii: dal'nevostochnyi variant* [Imperial space of Russia in the regional dimension: The Far Eastern variant]. *Prostranstvo vlasti: Istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [The Space of power: Historical experience of Russia and the challenges of modernity]. Ed. by S. I. Barzilov. Moscow, Publ. of Moscow Science Foundation (MONF), 2001, pp. 317–344. (In Russian)
- Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii: raboty poslednykh let: antologiiia* [The Russian Empire in the foreign historiography: recent works: an anthology]. Eds P. Vert, P. S. Gabitov, A. I. Miller. Moscow, Novoe izdatel'stvo [New Publishing House], 2005, 694 p. (In Russian)
- Rossiiskaia imperiia kak istoricheskii fenomen* [The Russian Empire as a historical phenomenon]. *Rossiiskaia imperiia: ot istokov do nachala XIX v.: ocherki sotsial'no-politicheskoi i ekonomicheskoi istorii* [Russian Empire: From its origins to the early 19th century: Essays on the socio-political and economic history]. Eds A. I. Aksenov etc. Moscow, Russkaia panorama [Russian panorama] Publ., 2011, pp. 852–857. (In Russian)
- Sambuk S. M. *Politika tsarizma v Belorussii vo vtoroi polovine XIX veka* [Policy of tsarism in Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk: Nauka i Tekhnika [Science and Technology] Publ., 1980, 223 p. (In Russian)
- Sunderland W. *Imperiia bez imperializma?: Neodnoznachnost' protsessa kolonizatsii v tsarskoi Rossii* [Empire without imperialism?: The ambiguity of the process of colonization in tsarist Russia]. *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 101–114. (In Russian)
- Smirnov N. A. *Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh* [The Policy of Russia in the Caucasus in the 16th–19th centuries]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958, 244 p. (In Russian)
- Suleimenov B. S., Basin V. Ya. *Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII — nachale XX veka* [Kazakhstan as part of Russia in the 18th — early 20th centuries]. Almaty, Nauka Publ., 1981, 247 p. (In Russian)
- Suny R. *Imperiia kak ona est': Imperskaia Rossiia, «natsional'noe» samosoznanie i teorii imperii* [Empire as it is: Imperial Russia, "national" identity, and theories of empire]. *Ab Imperio*, 2001, no. 1/2, pp. 9–73. (In Russian)
- Skhimmel'penninkvan der Oie D. *Navstrechu voshkodiashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiuu k voine s Iaponiei* [Toward the rising sun: Imperial myth-making led Russia to war with Japan]. Moscow, New Literary Review Publ., 2009, 419 p. (In Russian)

- Timchenko S. V. Problemy prisoedineniia Kazakhstana k Rossii v sovremennoi kazakhskoi istoriografii [Problems of accession of Kazakhstan to Russia in modern Kazakh historiography]. *Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* [Central Asia in the Russian Empire]. Eds S. N. Abashin, D. Yu. Arapov, N. E. Bekmakhanov. Moscow, New Literary Review Publ., 2008, pp. 338–359. (In Russian)
- Tikhonov A. K. *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII — nachale XX v.* [The Catholics, Muslims and Jews Russian Empire in the last quarter of the 18th — early 20th century]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007, 352 p. (In Russian)
- Tikhonov A. K. Organizatsiia gosudarstvennogo upravleniia zapadnymi i iuzhnymi okrainami Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [The Organization of state control in Western and southern Borderlands of the Russian Empire in the second half of 19th—early 20th centuries]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the faculty of history of Saint-Petersburg University]. St. Petersburg, 2010, no. 1, pp. 314–332.
- Fedorov M. M. *Pravovoe polozhenie narodov Vostochnoi Sibiri (XVII — nachalo XX veka)* [The Legal status of peoples of Eastern Siberia (17th — early of 20th centuries)]. Yakutsk, Book Publ., 1978, 207 p. (In Russian)
- Khanak P. Natsional'naia kompensatsiia za otstalost' [National compensation for backwardness]. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: The experience of multinational state]. Eds T. M. Islamov, A. I. Miller. Moscow, ISB Publ., 1995, pp. 48–56. (In Russian)
- Khardt M., Negri A. *Imperiia* [Empire]. Moscow, Praksis Publ., 2004, 434 p. (In Russian)
- Khasanov X. X. *Formirovanie tatarskoi burzhuaznoi natsii* [Formation of Tatar bourgeois nation]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Tatar Book Publishing House], 1977, 327 p. (In Russian)
- Egunov N. P. *Kolonial'naia politika tsarizma i pervyi etap natsional'nogo dvizheniia v Buriatii v epokhu imperializma* [Colonial policy of tsarism and the first stage of the national movement in Buryatia in the age of imperialism]. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo [Buryat Publishing House], 1963, 316 p. (In Russian)
- Etkind A. *Vnutrenniiaia kolonizatsiia: Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization: Russia's Imperial experience]. Moscow, New Literary Review Publ., 2013, 441 p. (In Russian)
- Boeck B. J. Containment vs. Colonization. Muscovite Approaches to Settling the Steppe. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. Eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, Routledge Taylor & Francise Group, 2007, pp. 41–61.
- Breyfogle N. B., Schrader A., Sunderland W. Russian Colonization: An Introduction. *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. Eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, Routledge Taylor & Francise Group, 2007, pp. 1–19.
- Engelstein L. New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet Reflections. *Russian Review*, 2001, vol. 60, no. 3, pp. 487–496.
- Graham D., Thompson A. *Theorizing Nationalism*. Ed. by Jo Campling. Basingstoke, Hampshire; New York, Palgrave Macmillan, 2004, 223 p.
- Hagen M. von. Writing the History of Russia as Empire: The Perspective of Federalism. *Kazan', Moskva, Peterburg: Rossiiskaia imperia vzgliadom iz raznykh uglov* [Kazan', Moscow, Petersburg: Russian Empire: view from Different Parts]. Eds B. Gasparov etc. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo [United Humanitarian Publishing House], 1997, pp. 393–414.
- Imperial and National Identities in Pre-Revolutionary Russia, Soviet, and Post-Soviet Russia*. Eds Chris J. Chulos, Johannes Remy. Helsinki, Publ. of Finnish Literature Society (SKS), 2002, 242 p.
- Imperial Russia: New Histories for the Empire*. Eds J. Burbank, D. L. Ransel. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1998, 359 p.
- Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2002, 290 p.
- LeDonne J. P. *The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*. New York, Oxford University Press, 1997, 394 p.
- LeDonne J. P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004, 261 p.
- Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept. *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 1, pp. 59–91.
- Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons. *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*, 2012, vol. 13, no. 4, pp. 919–936.
- Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History*. Eds N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, Routledge, 2007, 288 p.
- Religious Freedom and the Problem of Tolerance in Russian History: Note from the Editors. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2012, vol. 13, no. 3, pp. 509–514.

- Russia Take Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*. Ed. by S. Bogatyrev. Helsinki, Publ. of Academia Scientiarum Fennica, 2005, 289 p.
- Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, Yale University Press, 2010, 298 p.
- Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History*. Eds M. Bassin, C. Ely, M. K. Stockdale. De Kalb, Northern Illinois University Press, 2010, 268 p.
- The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World*. Eds A. Avtorkhanov, M. B. Broxup. New York, St. Martin's Press, 1995, 252 p.
- Werth P. *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Ithaca, Cornell University Press, 2002, 275 p.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.